

УДК 94(477-25):378 «18»

Спогади В.Г. Авсеєнка про істориків університету Св. Володимира

О.О. ТАРАСЕНКО

Київський університет імені Бориса Грінченка, м. Київ, Україна,
E-mail: Olgatarasenko@ukr.net**Авторське резюме**

У статті проаналізовано автобіографічні спомини письменника, критика, публіциста, журналіста, мемуариста Василя Григоровича Авсеєнка (1842–1913) «Школьные годы. Отрывки из воспоминаний. 1852–1863» в яких пошановуються засновники історичної освіти і науки в Університеті Св. Володимира професори В. Я. Шульгін (1822–1878), П. В. Павлов (1823–1895), О. І. Ставровський (1809–1882), які започатковували і розвивали традиції школи істориків Університету Св. Володимира та які обіймають почесні місця серед викладачів і вчених України середини та другої половини XIX ст. Досліджено, як у спогадах В. Г. Авсеєнка виразно реконструює портрети професорів кафедри всесвітньої історії В. Я. Шульгіна та О. І. Ставровського, професора кафедри російської історії П. В. Павлова та як він згадує особливі риси, які визначали університетське життя під час його навчання у 1859–1863 роках. Установлено, як В. Г. Авсеєнко виявляє значення впливу представників школи істориків Університету Св. Володимира на студентство, що дозволяє глибше зрозуміти постаті істориків, які уособлювали та невідомо творили свій час.

Ключові слова: В. Г. Авсеєнко, спогади, школа істориків Університету Св. Володимира, П. В. Павлов, В. Я. Шульгін, О. І. Ставровський, 1859-1866 роки.

Memories VG Avsyeyenka historians of the University of St. Vladimir

О.О. ТАРАСЕНКО

Borys Grinchenko Kyiv university, Kyiv, Ukraine, E-mail: Olgatarasenko@ukr.net

Abstract

The article analyzes the autobiographical memories of a writer, a critic, an essayist, a journalist, and a memoirist Avseenko Vasily (1842–1913) «The school years. Fragments from the memoirs. 1852–1863» in which he pays the homage to the founders of historical education and science at St. Volodymyr University professors V.Y. Shul'gin (1822–1878), P.V. Pavlov (1823–1895), A.I. Stavrovskiy (1809–1882), who conceived and developed the tradition of the School of Historians of St. Volodymyr University and who occupied the places of honor among the teachers and scientists of Ukraine in the middle and the second half of the XIX century. It is investigated how V. H. Avseenko in his memories expressively reconstructs the portraits of World History Department Professors V. Y. Shul'gin and A. I. Stavrovskiy, and Russian History Department Professor P. V. Pavlov and how he recalls the special features that determined the university life during his study in 1859–1863 years. It is established how V. H. Avseenko reveals the importance of the influence of the representatives of the School of Historians St. Volodymyr University on the students, which allows to understand deeper the personalities of historians who personified and tirelessly created their time.

Keywords: V. H. Avseenko, memories, School of historians St. Volodymyr University, P. V. Pavlov, V. Y. Shul'gin, A.I. Stavrovskiy, 1859-1866.

Постановка проблеми. До засновників української історичної освіти і науки, які започатковували та розвивали традиції школи істориків Університету Св. Володимира і обіймають почесне місце серед викладачів і вчених України середини та другої половини XIX ст., з повним правом належать професори В.Я. Шульгін (1822–1878), П.В. Павлов (1823–1895), О. І. Ставровський (1809–1882) [13; 15].

Спогади про згаданих істориків дозволяють з'ясувати, якими вони постають у мемуарах своїх студентів, дослідити значення впливу цих істориків на студентів того часу, глибше зрозуміти людей, які уособлювали свій час та невідомо його творили.

Актуальність статті полягає у пошануванні представників школи істориків Університету Св. Володимира XIX ст. професорів кафедри всесвітньої історії – В. Я. Шульгіна [3, с.760-777] та О. І. Ставровського [3, с. 619-622], про-

фесора кафедри російської історії П. В. Павлова [3, с. 533-537].

Окремого дослідження, яке аналізує спогади В. Г. Авсеєнка, про істориків Університету Св. Володимира в історичній літературі на сьогодні немає.

Аналіз досліджень і публікацій. Автобіографічні спомини Василя Григоровича Авсеєнка «Школьные годы. Отрывки из воспоминаний. 1852–1863» були надруковані у четвертому номері часопису «Исторический вестник» у 1881 році [1]. Він згадує і виразно вимальовує словесні портрети професорів кафедри всесвітньої історії – В. Я. Шульгіна [4; 5; 6; 18] та О. І. Ставровського [11], професора кафедри російської історії П. В. Павлова [14; 16; 17; 20] та змальовує особливі риси, які визначали університетське життя під час його навчання у 1859–1863 роках.

Мета дослідження: дослідити, якими по-
© О.О. Тарасенко, 2016

стають у спогадах В. Г. Авсеєнка історики Університету Св. Володимира професори В. Я. Шульгін, О. І. Ставровський, П. В. Павлов у 1859–1866 роках, простежити значення впливу цих істориків на студентство, зрозуміти людей, які уособлювали та творили свій час.

Виклад основного матеріалу. Автор спогадів Василь Григорович Авсеєнко (1842–1913) був письменником, критиком, публіцистом, журналістом, мемуаристом. Він закінчив Першу Київську гімназію, навчався на історико-філологічному факультеті Університету Св. Володимира у 1859–1863 роках, у 1864–1866 роках працював приват-доцентом кафедри всесвітньої історії, читав лекції з нової історії на історико-філологічному факультеті Університету Св. Володимира [3, с.11-12]. Друкуватися В. Г. Авсеєнко почав ще студентом в «Русском слове», «Русской речи», згодом «Русском вестнике», «Вестнике Европы», «Отечественных записках», «Ниве», «Всемирной иллюстрации», «Северном вестнике» та ін. [8].

На запрошення головного редактора газети «Киевлянин» у 1864–1878 рр. В. Я. Шульгіна В. Г. Авсеєнко у 1864–1865 рр. працював членом редакційної колегії газети. В. Г. Авсеєнко також служив мировим посередником Київського повіту та чиновником із особливих доручень при Міністерстві народної освіти. У 1883–1896 роках В. Г. Авсеєнко був видавцем «С.-Петербургских Ведомостей». Творче життя В. Г. Авсеєнка було довгим та продуктивним. Він співробітничав із відомими газетами та журналами, залишив значну літературну спадщину. На початку ХХ ст. його друкували, вважали гарним белетристом, який зразково описує побут і талановито відтворює російську дійсність кінця ХІХ ст. [2; 12].

«Людина суха та холодна», – так охарактеризував його Олександр Васильович Романович-Славатинський (1832–1910) [3, с. 580-583] – доктор державного права, ординарний професор кафедри державного права Університету Св. Володимира, який навчався на юридичному факультеті у 1850–1855 роках, відзначаючи, що В. Г. Авсеєнко не користувався симпатією на факультеті [10, с. 186].

«В университет я поступил в сентябре 1859 года. В то время историко-филологический факультет в Киеве считался блистательным. Его украшали В. Я. Шульгин, П. В. Павлов, Н. Х. Бунге; число студентов на нем было очень значительно, благодаря главным образом тому, что в киевском университете вообще было много поляков, сыновей местных помещиков, а польское дворянство всегда отличалось склонностью к словесным наукам. Я не намерен останавливаться на своих личных впечатлениях, у всякого очень свежих и памятных за эту пору первой зрелости, первых серьезных дум,

первых забот и наслаждений. Я хочу только набросать силуэты профессоров и отметить особенные черты, отличавшие университетскую жизнь [...] в 1859–1863 годах», – розпочинає свої спогади про Університет Св. Володимира В. Г. Авсеєнко [1, с. 716].

«Начну с печального сознания, что печать провинциальности лежала на университете в той же мере как и на гимназии. Она выражалась и в отсутствии людей с широкими взглядами, и в слабой связи большинства профессоров с литературными и общественными интересами, занимавшими Петербург, и в подавляющем преобладании «обывательских ординарностей», и во множестве мелочей – в запоздалом появлении какой-нибудь книги, в разнузданности сплетни, принимавшей тотчас самый уездный характер, в старомодном слоге и в невероятном акценте большинства профессоров», – продовжує спогадувати В. Г. Авсеєнко [1, с. 716-717].

«Историко-филологический факультет был значительно лучше юридического и математического, но я думаю что и на этом факультете только двое могли назваться действительно талантливыми тружениками науки – В. Я. Шульгин и Н. Х. Бунге», – виділяє В. Г. Авсеєнко викладачів, які сформулювали його академічні зацікавлення [1, с. 717].

В. Г. Авсеєнко ділиться враженням, яке справляв на нього В. Я. Шульгін: «Виталий Яковлевич Шульгин считался светилом университета. И в самом деле, такие даровитые личности встречаются нечасто; по крайней мере в Киеве он был головою выше не только университетского, но и всего образованного городского общества, и едва ли не один обладал широкими взглядами, стоявшими над чертой провинциального мирозерцания. Сама наружность его была очень оригинальная; с горбами спереди и сзади, с лицом столько же некрасивым по чертам, сколько привлекательным по-умному, язвительному выражению, он производил сразу очень сильное впечатление. Я думаю, что физическая уродливость имела влияние на образование его ума и характера, рано обратив его мысли в серьезную сторону и сообщив его натуре чрезвычайную нервную и сердечную впечатлительность, а его уму – склонность к сарказму, к желчи, подчас очень ядовитой и для него самого, и для тех, на кого обращалось его раздражение. Последнее обстоятельство было причиной, что и в университетском муравейнике, и в городском обществе у Шульгина было немало врагов; но можно сказать с уверенностью, что все более порядочное, более умное и честное, неизменно стояло на его стороне. Надо заметить притом, что при своей склонности к сарказму, при своей большей части язвительном разговоре, Шульгин обладал очень горя-

чим, любящим сердцем, способным к глубокой привязанности, и вообще был человек очень добрый, всегда готовый на помощь и услугу» [1, с. 717].

В. Г. Авсеенко характеризует постать В. Я. Шульгина как профессора: «Как профессор, Шульгин обладал огромными дарованиями. [...] Никто лучше его не мог справиться с громадною литературой предмета, никто лучше его не умел руководить молодыми людьми, приступающими к специальным занятиям по всеобщей истории. Критические способности его изумляли меня. В мою бытность студентом, он читал, между прочим, библиографию древней истории. Эти лекции могли назваться в полном смысле образцовыми. С необычайною краткостью и ясностью, с удивительной, чистохудожественною силою определений и характеристик он знакомил слушателей со всей литературой предмета, давая одним руководящую нить для их занятий, другим восполняя недостаток их собственной начитанности» [1, с. 717].

Відзначає В. Г. Авсеєнко і дивовижне обдарування В. Я. Шульгіна як промовця: «Причем он в замечательной мере обладал даром слова. Его речь, серьезная, сильная, изящная, не лишенная художественных оттенков, лилась с замечательною легкостью, и ни в одной аудитории я никогда не видел такого напряженного всеобщего внимания. Но в особенности дар слова Шульгина обнаружился на его публичных чтениях по истории французской революции. Возможность раздвинуть рамки предмета и высокий интерес самого предмета, при отсутствии тех условий, которые неизбежно вносят в университетское преподавание некоторую академическую сухость – все это позволило талантливому профессору довести свои чтения, по содержанию и по форме, до такого блеска, что даже пестрая, на половину дамская, аудитория не могла не испытывать артистического наслаждения» [1, с. 718].

Згадує В. Г. Авсеєнко і про особисті стосунки із професором Шульгіним: «Мои личные отношения к покойному Виталию Яковлевичу были настолько близки и продолжительны, что я имел случай видеть и оценить его и как профессора, и как редактора «Киевлянина», и как члена общества, и как человека в его домашней обстановке. Везде он обнаруживал тот же серьезный и вместе блестящий ум, тот же живой интерес ко всему честному, человеческому, то же открытое, горячо-бьющееся сердце, ту же не утомляющуюся потребность деятельности» [1, с. 718].

Оцінює В. Г. Авсеєнко і університетську діяльність В. Я. Шульгіна: «... его преподавание отличалось одною весьма важною особенностью: он считал своею обязанностью помогать занятиям студентов не одним только чтением лекций, но и непосредственным руководством

тех из них, которые избирали всеобщую историю предметом своей специальности. У него у первого явилась мысль устроить нечто в роде семинария, на подобие существующих в немецких университетах и в парижской Ecole Normale; эту мысль разделял также Н. Х. Бунге, которому и привелось осуществить ее на деле; Шульгин же, к величайшей потере для университета, в 1861 году вышел в отставку. Тем не менее у себя дома, в ограниченных, конечно, размерах, он был настоящим руководителем исторического семинария, и его беседы, его советы, его всегдашняя готовность снабдить всякого желающего книгой из своей прекрасной библиотеки – без сомнения памяты всем моим товарищам. Виталий Яковлевич считал, как бы своим нравственным и служебным долгом создать себе преемника из среды собственных слушателей, и, действительно, покидая университет, имел возможность представить совету двух студентов, посвятивших себя специальным занятиям по всеобщей истории» [1, с. 718].

Пригадує В. Г. Авсеєнко і про те, що зумовило В. Я. Шульгіна рано залишити працю в університеті: «Причины, побудившие Виталия Яковлевича рано оставить университет, заключались отчасти в тяжелых семейных утратах, расстроивших его донельзя впечатлительную и привязчивую натуру, отчасти в неприятностях, сопровождавших его профессорскую деятельность. Привлекая к себе всех более даровитых членов университетской корпорации, Шульгин не пользовался расположением других сосоварищей, и не умел относиться к этому обстоятельству с достаточным равнодушием. Ему хотелось отдохнуть» [1, с. 719].

Через два роки в Університеті Св. Володимира розмірковували над можливістю повернути В. Я. Шульгіна в університет. «Спустя два года, громадный успех предпринятых им публичных чтений о французской революции заставил членов университетского совета догадаться, что если причиной выхода Шульгина и было расстроенное состояние здоровья, то причина эта во всяком случае уже устранена. Стали думать, каким образом вернуть университету того, кто был душою и светилем его. Затруднений, разумеется, встретилось много. Тогда уже действовал новый устав, требовавший от профессора степени доктора. Шульгин не имел этой степени, и, следовательно, мог быть определен только доцентом, с ничтожным жалованьем. На такие условия он не соглашался. Тогда ухватились за параграф устава, которым университету предоставлялось право возводить в степень доктора лиц, известных своими учеными трудами. Вопрос баллотировали, получилось большинство, представили министру народного просвещения об утверждении Шульгина в докторском звании и о назначении его ординарным профессором. Министр (г. Голо-

вин) прислал Виталию Яковлевичу докторский диплом, при очень любезном письме. Но, к сожалению, во всю эту, наделавшую в свое время много шума, историю, вошли обстоятельства, побудившие Шульгина отказаться и от диплома, и от назначения», – пригадує В. Г. Авсеєнко [1, с. 719].

Політику російського уряду щодо історичної науки в Київському університеті у другій половині XIX ст. глибше розкриває В.М. Мордвінцев [9]. Про «справу» В.Я. Шульгіна як епізод із історії університетського життя в умовах дії статуту 1863 р. більш детально розповідає В. І. Чесноков [19].

Саме в цей час відбулося польське національне визвольне Січневе повстання 1863–1864 років проти панування Російської імперії за здобуття незалежності та відновлення державності, яке хвилею прокотилося по Правобережній Україні. Від місцевої адміністрації російська влада вимагала діяльної перебудови всього життя, виявилася нагальна потреба створити видання, яке б стало рупором імперської політики у Південно-Західному краї. Так виникла газета «Киевлянин», засновником якої та першим головним редактором і став професор Університету Св. Володимира В.Я. Шульгін, який був досить відомою особою у Києві завдяки своїй викладацькій та громадській діяльності, а його публічні лекції відвідували впливові сановники Києва, в т.ч. і генерал-губернатор Київської, Подільської та Волинської губерній у грудні 1862 – січні 1865 рр. М. М. Анненков. Саме він і запропонував В.Я. Шульгіну видавати газету, яка б фінансувалася імперським урядом. Російськомовна газета «Киевлянин», спочатку помірно-ліберального, а потім консервативного монархічного спрямування, видавалася з липня 1864 по грудень 1919 р., виходила тричі на тиждень з 1864 по 1879 рік, згодом – щодня, стала однією із найвпливовіших у Південно-Західному краї та однією із кращих провінційних газет в усій Російській імперії. Варто наголосити, що завдяки своєму публіцистичному таланту В. Я. Шульгін спромігся зробити газету «Киевлянин» настільки популярною, що він відмовився від урядових субсидій і газета стала приватною. В. Я. Шульгін помер на посту головного редактора «Киевлянина», встигнувши випустити останній у 1878 р. її номер, але не встиг переглянути коректурний відбиток, як він це робив протягом багатьох років.

Про професора кафедри всесвітньої історії О. І. Ставровського В. Г. Авсеєнко згадує наступне: «Кафедру всеобщей истории разделял с Шульгиным профессор Алексей Иванович Ставровский. Это был совершенный антипод Виталия Яковлевича, и, как следует антиподу, очень его недолюбливал. Семинарист и потом воспитанник бывшего главного педагогическо-

го института, он получил степень магистра всеобщей истории за диссертацию под заглавием: «О значении средних веков в рассуждении к новейшему времени». Говорят, покойный Грановский, когда хотел потешить своих друзей, извлекал из особого ящика эту удивительнейшую книжицу и прочитывал из нее избранные места. В университетской библиотеке мне удалось видеть экземпляр этого творения; помню, что в нем между прочим говорилось что-то такое о происхождении португезов и темляков [...]. Во все мое студенчество я не более трех раз посетил лекции Ставровского и очень затрудняюсь определить, как и что он читал; товарищи рассказывали о них, как о винегрете каких-то выдохшихся анекдотов, собранных в книгах прошлого столетия. Но я знаю, что, не довольствуясь курсом всеобщей истории, Ставровский читал нам еще науку, по собственным его словам им самим изобретенную, именно «теорию истории». Под таким заглавием она красовалась и в печатном расписании факультетских чтений. Я был на первой лекции этой *scienza nuova*; профессор совершенно ошеломил меня живописностью метафор – то он сравнивал историю с голой женщиной под прозрачною дымкой, сквозь которую, т.е. дымку, проникает пытливый взор историка, то строил какую-то необычайно сложную машину, на подобие шарманки, объясняя пораженным слушателям, что вал означает человечество, зубцы, за которые он задевает – события, а рукоятка, которая его вращает – уж не помню, что, чуть ли не самого профессора. От дальнейшего слушания «теории истории» я уклонился. Нужно, впрочем, заметить, что слушателями Ставровского могли быть лишь люди, не только не дорожащие временем, но и обладающие крепкими нервами» [1, с. 720].

«Решительно не могу припомнить, как мы держали экзамен из «теории истории». Сдается мне, что факультет вовсе уволит нас от этой непосильной задачи. Зато очень хорошо помню, что, оставшись по выходе В. Я. Шульгина единственным представителем всеобщей, а по выходе П. В. Павлова, также и русской истории в университете, А. И. Ставровский задавал для семестральных сочинений очень удивительные темы. К сожалению, не могу привести их здесь в точности, но знаю, что, когда я раз в шутку сказал товарищам, будто Ставровский задал сочинение: «о пользе Европы» – никто не подумал, что я говорю в шутку», – спогадує В. Г. Авсеєнко [1, с. 721].

«Так как я был рекомендован совету Шульгиным, то нерасположение Ставровского к последнему перенеслось и на меня, и я очень хорошо понимал, что на окончательных экзаменах он не будет ко мне снисходителен. Может быть им руководило и другое соображение, чисто практического свойства: он дослу-

живал срок и должен был баллотироваться на добавочное пятилетие. Если бы к тому времени явился кандидат на кафедру всеобщей истории, шансы быть избранным для него очень сократились бы; и напротив, при торжественном провале рекомендованного кандидата, факультет принужден был бы хлопотать об оставлении Ставровского на кафедре. По этим причинам я не сомневался, что мои экзамены по всеобщей и русской истории превратятся в некое состязание. К счастью, противник мой оказался из не очень сильных. Древнюю историю я сдал еще при Шульгине; из новой мне попался билет о Людовике святом. Рассказываю я чуть не с полчаса – Ставровский, не глядя на меня, только потирает переносицу. «Ну, а что ж вы самого главного не рассказали до сих пор?» вдруг перебивает он меня. Признаюсь, я стал в тупик: кажется, все уж сдал по порядку, и вдруг от меня требуют самого главного! – «А историю Тристана забыли?» с торжествующим видом разрешил мое недоумение Ставровский. Я только переглянулся с Н. Х. Бунге, находившимся ассистентом на экзамене, и по язвительной улыбке на его лице понял, что мне поставят кандидатский бал. Очевидно Тристан дал холостой выстрел», – згадуе В. Г. Авсеєнко [1, с. 721].

«С русской историей дело вышло круче. Я не был ни на одной лекции по этому предмету и решительно не знал, что из него делал Ставровский. Товарищи говорили, что он сильно напирал на археологию, что он сам производил какие-то раскопки под Киевом и даже поднес однажды бывшему генерал-губернатору Бибикову какой-то котелок с древностями, сохранившийся с тех пор в университетском музее и называемый студентами «Бибиковским горшком». Все это мало меня успокаивало, тем более что русской историей я занимался гораздо меньше чем всеобщей, и уж в археологии вовсе не был силен. А на экзамене, точно на смех, попадаете мне билет: «Культурное состояние Руси в удельном периоде». Ставровский как увидел, так и повеселел.... Ну пришлось и о Бибиковском горшке поговорить.... Ассистентом, на беду, был профессор русской словесности Селин, на благоволение которого я никак не мог рассчитывать. Поставили они мне вдвоем 3 (высший, кандидатский бал был 4). С помощью такой отметки из главного предмета со мной было бы совсем покончено, потому что не получивший кандидатской степени разумеется не мог бы выступить претендентом на кафедру, – но факультет взглянул на дело иначе, и пригласил Ставровского переправить отметку», – відзначає В.Г. Авсеєнко [1, с. 721-722].

«Тем, однако, еще не кончились мои состязания со Ставровским. В виду только что утвержденного нового устава, я предположил тотчас по окончании курса искать приват-

доцентуры. Надо было подать *pro venia legendi*. Шульгин, продолжавший из своего уединения интересоваться университетскими делами, посоветовал мне, не затевая ничего нового, представить просто кандидатское сочинение, благо оно было напечатано. Я послушался, хотя работа эта казалась мне мало достойною. Она представляла, во всяком случае, двоякую выгоду – была готова, и притом относилась к эпохе, которою я наиболее занимался, следовательно, защита на диспуте представлялась мне делом обеспеченным. Ставровский, назначенный в числе оппонентов, тем не менее заранее торжествовал, рассказывал, что у него приготовлено более ста возражений, что он истребит меня с корнем. В результате вышел такой скандал, какого вероятно еще никогда не было ни на одном диспуте. Чуть не весь город собрался в университетскую залу. Ставровский начал напоминанием, что университет носит имя «императорского», и что поэтому защищаемые в нем диссертации обязаны быть безукоризненны. Неожиданное предисловие это сразу озадачило публику.... Затем почтенный оппонент мой развернул тетрадь с обещанными в числе более 100 возражениями. Но, Боже мой, что это были за возражения! Например, прочитывает он из цитируемой мною книги немецкую фразу и доказывает, что я ее совсем не так перевел. Действительно, между немецкой фразой и моей нет ничего общего. Все недоумевают, я сам ничего не понимаю.... Попечитель, покойный сенатор Витте, предполагает, что у нас были разные издания немецкой книги; берет ее у Ставровского, берет у меня – оказывается совершенно одно и то же. Тогда я прочитываю по-немецки ту фразу, на которую ссылался – перевод выходит совершенно верен. Вся штука в том, что Ставровский взял на указанной мною странице немецкого автора первую попавшуюся ему фразу, и вообразил, что это именно та фраза, которую я цитирую в русском переводе. По зале пробегает сдержанный хохот, Ставровский быстро переворачивает листок и читает дальше. Праздничное настроение публики все растет, диспут принимает характер совершенно несвойственный академическому торжеству. Наконец Ставровский догадывается, что надо бросить свою тетрадку, и уступает очередь второму оппоненту» [1, с. 722].

Цю історію «кадрового конфлікту» у київській університетській медієвістиці першої половини 1860-х рр. – О. І. Ставровський проти В. Г. Авсеєнка досить детально оповідає С.І. Лиман [7].

«А в конце концов, более чем благополучный исход диспута ни к чему не привел. Я читал лекции всего один семестр. По новому уставу, политическая экономия отнесена была к курсу юридических наук, и таким образом Н. Х. Бунге выбыл из нашего факультета. С этой переменной факультет можно сказать

рассыпался, поступив в полную власть Селина и Ставровского. Мне за мои лекции не назначили никакого вознаграждения, не признали их обязательными для студентов и отвели для них такой час, когда все стремятся обедать. Со всеми этими условиями я помирился бы, потому что аудитория моя все-таки была полна, но вопрос для меня заключался в том – каким же образом я буду держать магистерский экзамен при таком составе факультета? Очевидно судьба моя совершенно была в руках Ставровского. Ехать в другой университетский город мне не хотелось, да и ученая служба, при ближайшем знакомстве с местным профессорским персоналом, перестала мне нравиться – и я принял приглашение генерал-губернатора Анненкова разделить с Шульгиным труды по редакции «Киевлянина», – підсумовує В. Г. Авсеєнко, який у 1864–1865 рр. був членом редакційної колегії газети [1, с. 723].

Споминає автор професора кафедри російської історії П. В. Павлова: «Имя Платона Васильевича в начале 60-х годов, т. е. с переездом его в Петербург, сделалось очень известно. Но в Киеве, и в особенности между студентами, он еще раньше пользовался громадною популярностью. Его любили, ему поклонялись, его именем клялись. Он соединял в себе репутацию основательного ученого с ореолом носителя так называемых «лучших идей», призванного руководить молодым поколением в его стремлении к общественному и нравственному идеалу. В то время, т. е. в 1859 году, когда я поступил в университет, роль эта была довольно новая. Мои товарищи были, так сказать, полны Павловым. Понятно, с каким нетерпением ждал я увидеть и услышать его. Громадная, едва ли не самая большая во всем университете, аудитория была битком набита. Сошлись разумеется не одни только филологи и юристы, для которых читалась русская история – сошлись студенты всех факультетов и всех курсов, поляки, хохлы, жида – в особенности жида. Позади кафедры, у стены, в проходе, густо теснились студенты и посторонние лица, устроившиеся кое-как на натасканных отовсюду скамейках [...]. Наконец профессор появился. Это был среднего роста человек, очень симпатичной, даже красивой наружности, с застенчивым румянцем на лице и прекрасными блистающими глазами. Робко пробираясь в толпе, взшел он на кафедру, и лекция началась» [1, с. 723].

«Никакого отношения к русской истории лекция не имела. Она составляла введение к так называемой «физиологии общества». Это была попытка систематизировать в научном духе разрозненные положения позитивизма, клочки из антропологии, отголоски еще не определившегося учения о связи истории с естествознанием. [...] ... я аккуратно посе-

щал его лекции в течении всего семестра – и с сожалением должен сказать, что первоначальное впечатление мое не изменилось. Я ни разу не услышал ни одного слова, относящегося к предмету курса. Продолжалась все та же «физиология общества» попеременно с антропологией и археологией, все то же тягучее вымучивание недающихся фраз. Притом профессор ужасно конфузился, или волновался, в глазах его часто стояли слезы!», – відзначає В. Г. Авсеєнко [1, с. 723].

«Существенная разница между впечатлением, производимым Платоном Васильевичем, и его установившейся гораздо раньше репутацией, долго приводила меня в недоумение. Впоследствии, она для меня объяснилась. Почтенный профессор принадлежал к категории крайне и мучительно увлекающихся людей. Он перед тем только что совершил продолжительную поездку за границу, и эта поездка отчасти сбила его с толку. Он пристрастился к археологии и истории искусства, волновался итальянскими и готическими памятниками, всем тем, что ему открыли европейские музеи. Вкус к этой новой области настолько овладел им, что совершенно отеснил прежние интересы. Притом, ум П. В. Павлова был из тех, которые не удовлетворяются специальным знанием, которые вечно тревожатся потребностью вместить в себе «все человеческое». Отсюда постоянное блуждание в общем и безграничном, чрезмерная отзывчивость на вопросы жизни, беспокойная жажда большой и еще не определившейся роли. Натура высокосимпатичная и глубоко-несчастливая, как мне казалось...», – підсумовує В. Г. Авсеєнко [1, с. 724].

«Я однако остался при том убеждении, что несмотря на свои обширные познания и несомненную даровитость, Платон Васильевич был обязан своей громадной популярностью в университете не своим заслугам, как ученого и профессора, а своей роли носителя «лучших идей» и руководителя молодежи. К сожалению, лично я не наблюдал его в этой роли – он при мне оставался в университете лишь три-четыре месяца – но я видел на своих старших товарищах, что влияние его на них было громадное. В этом смысле он имел то же значение, как Грановский в Москве, как Белинский в литературных кружках. Он был носителем общих гуманных и прогрессивных идей, наследованных от них обоих. К сожалению, время и условия, среди которых пришлось действовать Платону Васильевичу, были совсем иные. На киевской почве эти общие идеи сталкивались с частными вопросами – польским, украинофильским и крестьянским. В 1859 году еще не видно было, в какой форме произойдет столкновение, но уже чувствовалась трудность пребывания в сфере общих идей. Мне, как че-

ловеку пришлому в крае, это было довольно заметно, и может быть именно по этой-то причине мне постоянно казалось, что Платон Васильевич не имеет под ногами почвы», – висновок В. Г. Авсеєнко [1, с. 724-725]. «В начале 1860 года уважаемый профессор покинул университет и переехал в Петербург [...]. Студенты точно осиротели.... Редкие письма, получавшиеся от Платона Васильевича, прочитывались кажется каждым образованным человеком в городе.... Потом дошли слухи, что он принужден покинуть Петербург, что в его судьбе произошла печальная перемена. Горе знавших его было неподдельное, искреннее. [...] В настоящее время [автор має на увазі 1875–1880 рр. – О. Т.] П. В. Павлов снова возвращен киевскому университету, где занимает кафедру истории искусства. Я не сомневаюсь, что новое поколение студентов относится к нему с тем же уважением, с теми же горячими симпатиями, с какими относились мы», – підсумовує В. Г. Авсеєнко [1, с. 725].

«Не без сожаления я должен сказать, что этим исчерпываются мои воспоминания о профессорах, составлявших действительное украшение историко-филологического факультета. Провинциальное положение университета было причиной, что пополнение убыли в наличном составе преподавателей, совершалось весьма туго. П. В. Павлов выбыл, когда я был еще на первом семестре, и затем до самого окончания курса и еще несколько лет после, кафедра русской истории оставалась вакантною, несмотря на то, что именно в Киеве, в виду исключительных условий края и политических событий 1861–1863 годов, кафедра эта

имела большее значение, чем где-либо. Шульгин тоже лет пять оставался незамещенным, так что Ставровский пребывал единственным представителем исторической науки на факультете, имеющем специальное историческое отделение. Университет, т.е. совет, вступал, сколько мне известно, в переговоры и с Н.И. Костомаровым, и с г. Иловайским, и с тем же Шульгиным, и еще с кем-то, искал профессоров даже в недрах семинарий и духовных академий, но все это ни к чему не приводило. Разумеется, кроме провинциального положения университета и незавидного состава факультета, действовали тут еще и другие причины, и главным образом интриги в самом совете, где представителями факультетских интересов являлись такие «деятели науки», как Ставровский и А. И. Селин», – узагальнює В. Г. Авсеєнко [1, с. 726].

Висновки. Аналіз автобіографічних споминів Василя Григоровича Авсеєнка «Школьные годы. Отрывки из воспоминаний. 1852–1863» дозволив віддати шану засновникам історичної освіти і науки в Університеті Св. Володимира професорам В. Я. Шульгину, П. В. Павлову, О. І. Ставровському, які започатковували та розвивали традиції школи істориків Університету Св. Володимира і обіймають почесне місце серед викладачів і вчених України середини та другої половини XIX ст. Спогади В. Г. Авсеєнка дозволили прослідкувати, якими саме постають у його споминах згадані особистості істориків у 1859-1866 роках, розкрити значення їхнього впливу на студентство, глибше зрозуміти їх як людей, які уособлювали та невтомно творили свій час.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Авсеєнко, В. Г. Школьные годы.: Отрывок из воспоминаний. 1852-1862 [Текст] / В. Г. Авсеєнко // Исторический вестник, 1881. – Ч. 4. – С. 707-734.
2. Авсеєнко, Василий Григорьевич. Собрание сочинений. В 12 тт. [Текст] / В. Г. Авсеєнко. – СПб., 1904–1905.
3. Биографический словарь профессоров и преподавателей Университета Св. Владимира (1834–1884) [Текст] / Составлен и издан под. ред. В. С. Иконникова. – Киев: Тип. Ун-та Св. Владимира, 1884. – 860 с.
4. Левінець, Р. П. Шульгин Віталій Якович [Текст] / Р. П. Левінець // Енциклопедія Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Електронний ресурс. Режим доступу: <http://eu.univ.kiev.ua/departments/novoyi-ta-novitn%60oyi-istoriyi-/shul%60gyn-vitaliy-yakovych/>
5. Левінець, Р. П. В. Я. Шульгин – життя пов'язане з Києвом [Текст] / Р. П. Левінець // Наукові записки з історії України. – Переяслав-Хмельницький, 2002. – Вип. 13. – С. 217-222.
6. Левінець, Р. П. Життєвий шлях та науково-громадська діяльність В. Я. Шульгіна (1821–1878 рр.) [Текст] / Р. П. Левінець: Автореф. дис.... канд. іст. наук. – К., 2004. – 24 с.
7. Лиман, С. І. З історії «кадрового конфлікту» у київській університетській медієвістиці першої половини 1860-х рр.: О. І. Ставровський проти В. Г. Авсеєнка [Текст] / С. І. Лиман // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Історичні науки. – 2013. – Т. 23. – С. 144-160. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Npkrnu_2013_23_12
8. Майорова, О. Е. Авсеєнко Василий Григорьевич [Текст] / О. Е. Майорова // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. – М., 1989, Т.1: А–Г.
9. Мордвінцев, В. М. Політика російського уряду щодо історичної науки в Київському університеті в другій половині XIX ст. [Текст] / В. М. Мордвінцев // 150 років розвитку вітчизняної історичної науки в Київському університеті. Матеріали Республіканської науково-практичної конференції, Київ, 20-21 жовтня 1992 р. – К., 1993. – С. 184-185.
10. Романович-Славатинський, А. В. Моя жизнь и академическая деятельность. Воспоминания и заметки. 1832-1884 гг. [Текст] / А. В. Романович-Славатинський // Вестник Европы, 1903. – Ч.5. – С. 181-205.

11. Ставровский, Алексей Иванович [Текст] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб., 1900. – Т. 31. – П/т. 61. – С. 387.
12. Таран, О. Г. Авсеенко Василь Григорович [Текст] / О. Г. Таран / Енциклопедія Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Електронний ресурс. Режим доступу: <http://eu.univ.kiev.ua/departments/istorychnyy-fakul%60tet/avseenko-vasyl%60grygorovych/>
13. Тарасенко, Ольга. Становлення та розвиток історичної освіти та науки у Київському університеті у 1834–1884 рр. [Текст] / Ольга Тарасенко. – К.: Логос, 1995. – 276 с.
14. Тарасенко, О. О. До становлення школи істориків Університету Св. Володимира: Платон Васильович Павлов [Текст] / О. О. Тарасенко // Парадигма пізнання: гуманітарні питання, 2015. – Том 7, № 10. – С. 5–30.
15. Тарасенко, О. О. З історії становлення та розвитку історичної освіти в Київському імператорському університеті Св. Володимира (до 175-річчя від дня заснування) [Текст] / О. О. Тарасенко // Історична думка, 2010. – № 1(2). – 59 с. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://elibrary.kubg.edu.ua/6385/1/O_Tarasenko_IS.pdf
16. Тарасенко, Ольга. Викладацька діяльність П. В. Павлова в Університеті Св. Володимира у середині XIX ст. [Текст] / О. О. Тарасенко // Література та культура Полісся, 2007. – № 38. – С. 236–248.
17. Тарасенко, О. О. Спогади В. Й. Португалова про професора Павлова (школа істориків Університету Св. Володимира) [Текст] / О. О. Тарасенко // Матеріали XII Міжнародної наукової інтернет конференції «Актуальні наукові дослідження сучасності (22-24.12. 2015)». Історія. Збірник наукових праць. Київ, 2015. – С. 77–85.
18. Федорова, Л. Д. Шульгін Віталій Яковлевич [Текст] / Л. Д. Федорова // Видатні діячі науки і культури Києва в історико-краєзнавчому русі України / Відп. редактор В. О. Горбик. – К., 2005, – Ч. 2. – С. 319–321.
19. Чесноков, В. И. «Дело В. Я. Шульгина» в Киевском университете как эпизод из истории университетской жизни в условиях действия Устава 1863 года [Текст] / В. И. Чесноков // Российские университеты в XVIII–XIX веках: сборник научных статей. – Воронеж, 1999. – Вып. 4.
20. Шевченко, Л. В., Таран О. Г. Павлов Платон Васильович [Текст] / Л. В. Шевченко, О. Г. Таран // Електронна енциклопедія Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://eu.univ.kiev.ua/departments/istoriyi-rosiyi-kafedra/pavlov-platon-vasyl%60ovych/>

Стаття надійшла до редакції 09.01.2016

REFERENCES:

1. Avseenko, V. H., 1881. Shkolnye hody.: Otryvok yz vospomynanyi. 1852–1862 (The school years. Fragment from the memoirs. 1852–1862). Ystorycheskyi vestnyk 4, 707–734 (in Russian).
2. Avseenko, Vasylyi Hryhorevych, 1904–1905. Sobranie sochynenyi. V 12 tomakh (Collected Works. In 12 volumes). S-Pb. (in Russian).
3. Byohrafycheskyi slovar professorov y prepodavatelei Unyversyteta Sv. Vladymyra (1834–1884) / Sostavlen y yzdan pod. red. V. S. Ykonnykova (Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the University of St. Vladimir (1834–1884). 1884. Kiev (in Russian).
4. Levinets, R.P. Shul'gyn Vitalii Yakovych (Shul'gin V.Y.). Entsyklopediia Kyivskoho natsionalnoho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Elektronnyi resurs. Regime to access: <http://eu.univ.kiev.ua/departments/novoyi-ta-novitn%60oyi-istoriyi-/shul%60gyn-vitaliyi-yakovych/> (in Ukrainian).
5. Levinets, R. P., 2002. V. Ya. Shulhin – zhyttia poviazane z Kyievom (V.Y. Shulgin - life is connected with Kyiv). Naukovi zapysky z istorii Ukrainy. Pereiaslav-Khmelnytskyi, vol. 13, 217–222 (in Ukrainian).
6. Levinets, R. P., 2004. Zhyttievyy shliakh ta naukovu-hromadska diialnist V. Ya. Shul'gina (1821–1878 rr.) (Life path and scientific and social activities of V.Y. Shul'gin (1821–1878). Kyiv (in Ukrainian).
7. Lyman, S. I., 2013. Z istorii «kadrovoho konfliktu» u kyivskii universytetskii mediievistytsi pershoi polovyny 1860-kh rr.: O. I. Stavrovskiy proty V. H. Avseenka (From the history of «personnel conflict» in the Kiev university medieval studies of the first half of 1860: A.I. Stavrovskyy against V.G. Avseenko). Naukovi pratsi Kamianets-Podilskoho natsionalnoho universytetu imeni Ivana Ohienka. Istorychni nauky, vol. 23, 144–160. Regime to access: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Npkpnu_2013_23_12 (in Ukrainian).
8. Maiorova, O. E.? 1989. Avseenko Vasylyi Hryhorevych (Avseenko Vasylii Hryhorevych). Russkyye pysately 1800–1917. Byohrafycheskyi slovar, Vol.1: A–H. Moscow (in Russian).
9. Mordvintsev, V. M., 1993. Polityka rosiiskoho uriadu shchodo istorychnoi nauky v Kyivskomu universyteti v druhii polovyni XIX st. (The policy of the Russian government regarding the historical science at the University of Kiev in the second half of XIX century). 150 rokiv rozvytku vitchyznianoi istorychnoi nauky v Kyivskomu universyteti. Materialy Respublikanskoi naukovu-praktychnoi konferentsii, Kyiv, 20–21 zhovtnia 1992 r., 184–185. Kyiv (in Ukrainian).
10. Romanovych-Slavatynskiy, A. V., 1903. Moia zhyzn y akademicheskaya deiatelnost. Vospomynaniya y zametky. 1832–1884 (My life and academic activities. Memories and notes. 1832–1884). Vestnyk Evropy 5, 181–205 (in Russian).
11. Stavrovskiy, Aleksei Ivanovych, 1900. (Stavrovskiy Aleksei Ivanovych). Entsyklopedycheskyi slovar Brokhauza y Efrona, vol. 31, P/t. 61. S-Pb. (in Russian).
12. Taran, O. H. Avsieienko Vasylyi Hryhorovych (Avseenko, Vasylyi Hryhorivych). Entsyklopediia Kyivskoho natsionalnoho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Elektronnyi resurs. Regime to access: <http://eu.univ.kiev.ua/departments/istorychnyy-fakul%60tet/avseenko-vasyl%60grygorovych/> (in Ukrainian).

13. Tarasenko, Olha, 1995. Stanovlennia ta rozvytok istorychnoi osvity ta nauky u Kyivskomu universyteti u 1834–1884 rr. (Formation and development of historical education and science at Kyiv University in 1834–1884). Kyiv (in Ukrainian).
14. Tarasenko, O. O., 2015. Do stanovlennia shkoly istorykiv Universytetu Sv. Volodymyra: Platon Vasylovych Pavlov (To the formation of Scientific School of Historians of St. Volodymyr University: Platon Vasylovych Pavlov). Paradyhma piznannia: humanitarni pytannia 10, vol. 7, 5–30 (in Ukrainian).
15. Tarasenko, O. O., 2010. Z istorii stanovlennia ta rozvytku istorychnoi osvity v Kyivskomu imperatorskomu universyteti Sv. Volodymyra (do 175 richchia vid dnia zasnuvannia) (From the history of formation and development of history education at Kyiv Imperial St. Volodymyr University (to the 175 th anniversary). Istorychna dumka 1(2). Regime to access: http://elibrary.kubg.edu.ua/6385/1/O_Tarasenko_IS.pdf (in Ukrainian).
16. Tarasenko, Olha., 2007. Vykladatska diialnist P. V. Pavlova v Universyteti Sv. Volodymyra u seredyni XIXst. (Teaching of P.V. Pavlov at St. Volodymyr University in the middle of XIX century). Literatura ta kultura Polissia 38, 236–248 (in Ukrainian).
17. Tarasenko, O.O., 2015. Spohady V. Y. Portuhalova pro profesora Pavlova (shkola istorykiv Universytetu Sv. Volodymyra) (Benyamin Portugalov Memories about Professor Pavlov (Scientific School of Historians of St. Volodymyr University). Materialy XXII Mizhnarodnoi naukovoï internet konferentsii «Aktualni naukovy doslidzhennia suchasnosti (22–24.12. 2015)». Istoriia. Zbirnyk naukovykh prats, 77–85, Kyiv (in Ukrainian).
18. Fedorova, L. D., 2005. Shul'hin Vitalii Yakovlevych (Shul'gin Vitaliy Yakovlevych). Vydadni diiachy nauky i kultury Kyieva v istoriko-kraieznavchomu rusi Ukrainy 2, 319–321, Kyiv (in Ukrainian).
19. Chesnokov, V. Y., 1999. «Delo V. Ya. Shul'gina» v Kyevskom unyversytete kak epyzod yz ystorry unyversytetskoi zhyzny v usloviakh deistvyia Ustava 1863 hoda («The case of V.Y. Shul'gin» at Kyiv University as the episode from the history of university life in conditions of the Charter of 1863). Rosyyskiye unyversytety v XVIII–XIX vekakh: sbornyk nauchnykh statei. Voronezh, vol. 4 (in Russian).
20. Shevchenko, L.V., Taran, O. H. Pavlov Platon Vasylovych (Pavlov Platon Vasylovych). Elektronna entsyklopediia Kyivskoho natsionalnoho universytetu imeni Tara Shevchenka. Regime to access: <http://eu.univ.kiev.ua/departments/istoriyi-rosiyi-kafedra/pavlov-platon-vasyl%60ovych/> (in Ukrainian).

Тарасенко Ольга Олексіївна – кандидат історичних наук, доцент
Київський університет імені Бориса Грінченка
Адреса: 04053, м. Київ, вул. Бульварно-Кудрявська, 18/2
E-mail: Olgatarasenko@ukr.net

Tarasenko Olga Oleksiyivna – PhD in history, associate professor
Borys Grinchenko Kyiv university
Address: 18/2, Bulvarno-Kudryavska Str., Kyiv, 04053, Ukraine
E-mail: Olgatarasenko@ukr.net